

Надвигались сумерки — самое время полюбоваться закатом.

Травы в разгар лета буйствовали, стремясь к самому небу.

Бянь Му привязал коня к дереву, предоставив ему щипать сочную зелень. Сам же он, раздвигая высокие, почти по пояс стебли, пошёл к краю поляны.

Там, на самой кромке обрыва, висели качели.

Отец смастерил их для него ещё в детстве, но время не пощадило забаву — качаться на них давно уже было нельзя. Они сиротливо покачивались над пропастью, готовые вот-вот сорваться вниз.

Когда-то маленький Бянь Му едва доставал до сиденья, а теперь сравнялся с качелями ростом.

Он провёл рукой по перекладине — верёвки совсем истончились и почти перетерлись.

Принц уселся на траву неподалёку, неторопливо обмахиваясь веером.

Глядя на то, как багровое солнце медленно тонет за горизонтом, он вдруг вспомнил Юйчи Гана.

Вспомнил, каким испуганным и жалким тот выглядел, когда Бянь Му схватил его, и как, умирая от страха, мальчишка всё равно упрямо пытался что-то сказать. Принц невольно улыбнулся.

Осознав это, он замер в недоумении.

«Я сейчас улыбнулся?» — Бянь Му растерянно коснулся пальцами своего лица. Он действительно улыбался.

«С чего вдруг мысли об этом мальчишке вызывают у меня улыбку?»

Он долго размышлял над этим, но так и не нашёл ответа.

В конце концов он убедил себя, что виной всему глупые слова юнца. Мальчишка назвал его мягким и добрым. Никто прежде не осмеливался говорить ему подобного, вот это и врезалось в память.

С этой мыслью Бянь Му поднялся на ноги, собираясь в обратный путь.

Солнце к тому времени окончательно скрылось, уступив место сумеркам.

Вернувшись в поместье принца Луаня, Бянь Му заперся во внутренних покоях, строго-настрого запретив кому-либо докучать ему.

В часы, свободные от государственных забот, он любил выводить изящные иероглифы или писать картины — так обычно и проходили его вечера.

Ча Су молча растирал тушь у стола. Принц взмахнул кистью.

— Ваше высочество... — начал было слуга.

— Тсс, — Бянь Му мягким жестом прервал его, не отрывая взгляда от бумаги.

Ча Су замолк, с удивлением наблюдая, как под быстрыми штрихами на белом шёлке проступают черты лица Юйчи Гана.

Лишь когда портрет был закончен, Бянь Му словно очнулся. Он долго, не мигая, смотрел на собственное творение, заворожённый деталями.

— Ступай, — бросил он слуге.

Оставшись в одиночестве, принц вглядывался в рисунок, не веря собственным глазам.

Он сидел у стола, обхватив голову руками.

«Интересно, сильно ли я его покалечил? Не переборщил ли сегодня с силой?» — перед глазами Бянь Му то и дело вставала картина: его пальцы, мёртвой хваткой сжавшие тонкое горло мальчишки. Это выглядело по-настоящему жестоко.

«Когда я только успел превратиться в такое чудовище?» — принц с досадой хлопнул себя по лбу, охваченный горьким сожалением.

«Может, съездить проверить? Вдруг там и правда серьёзная травма...»

Не в силах совладать с беспокойством, он стремительно покинул покои. Не позвав Ча Су, Бянь Му оседлал коня и во весь опор помчался к башне Хайхуа.

— Ваше высочество?.. — прошептал Юйчи Ган, сидевший на подоконнике и безучастно глядевший в сумерки. Он сразу заметил всадника.

Наблюдая за тем, как Бянь Му спешивается и заходит внутрь, юноша невольно коснулся горла. Багровый след от чужих пальцев даже не думал исчезать — он горел ярким клеймом на бледной коже.

Внизу старейшина Дин, придерживая натруженную поясницу, вежливо обратился к гостю:

— Ваше высочество? Наше заведение уже закрыто.

— Я пришёл не за представлением. Мне нужен тот мальчишка, — Бянь Му устремил взор на верхние этажи.

— Вы имеете в виду Сяо Юя?

Принц едва заметно кивнул.

Старейшина Дин колебался, не зная, стоит ли звать воспитанника. В конце концов, днём этот господин едва не лишил юношу жизни.

— Могу я узнать, зачем он понадобился вашему высочеству? — низко склонился старик.

— Где он? — коротко отрезал Бянь Му.

Старейшина Дин глубоко вздохнул, расправил плечи и твёрдо произнес:

— Ваше высочество, Сяо Юй ещё глуп и мог совершить оплошность. Но умоляю вас, проявите милосердие и пощадите его.

С этими словами старик опустился на колени.

— Учитель! — Юйчи Ган стрелой слетел по лестнице.

Бянь Му досадливо вздохнул:

— С чего ты взял, что я пришёл карать его?

Старейшина Дин удивлённо поднял глаза.

— Подними голову. Дай мне взглянуть, — Бянь Му мягко поддел подбородок Юйчи Гана кончиком закрытого веера, заставляя того выпрямиться. Поворачивая лицо юноши то в одну, то в другую сторону, он внимательно осмотрел шею. Следы от его пальцев проступили

отчётливыми тёмными синяками.

— Проводи меня в свои покои, — приказал принц, убирая веер.

Юйчи Ган бережно помог подняться учителю:

— Поднимитесь, мастер.

Затем он бросил короткий взгляд на Бянь Му и безмолвно зашагал вверх по ступеням. Принц последовал за ним.

Оглядев тесную и скромную каморку под самой крышей, Бянь Му нахмурился:

— И ты живёшь в такой глуши?

Юйчи Ган безмолвно кивнул.

— Ваше высочество, здесь... — юноша растерянно огляделся. В комнате не было ни одного стула — присесть гостю было решительно негде, кроме узкой постели.

— Неважно. Я пришёл лишь осмотреть твою рану.

Услышав это, Юйчи Ган инстинктивно закрыл шею ладонью.

— Подойди, — велел Бянь Му.

И хотя слова его могли показаться заботливыми, голос прозвучал так холодно, что у юноши подкосились ноги от страха. Он замер, не решаясь сделать ни шагу.

— Подойди, кому говорю, — вздохнул принц, и его тон неуволимо смягчился.

Юйчи Ган нехотя сделал несколько шагов вперёд.

Бянь Му положил ладонь ему на лоб, заставляя запрокинуть голову, а другой рукой упёрся веером в плечо юноши, фиксируя его на месте.

— Выглядит скверно. Лекарство прикладывал?

Принц стоял так близко, что Юйчи Ган ощущал на своей коже его ровное тёплое дыхание.

Сердце в груди юноши пустилось вскачь, готовое вот-вот выпрыгнуть наружу.

— Судя по молчанию, нет, — констатировал Бянь Му, так и не дождавшись ответа.

— Держи, — он поставил на шаткий столик маленькую баночку с целебной мазью и развернулся, намереваясь уйти.

— Ваше высочество... — негромко позвал Юйчи Ган.

Бянь Му обернулся.

К его удивлению, глаза юноши повлажнели, а в ресницах дрожали готовые сорваться слёзы.

— Уже совсем стемнело, вам стоит...

— Я возвращаюсь в поместье, — бросил принц и покинул каморку.

Юйчи Ган смотрел вслед уходящему Бянь Му, и горячая слеза наконец покатилась по его щеке.

В его памяти всплыл иной образ — силуэт принца перед тем, как тот когда-то отправился в свой последний военный поход. Тогда его спина казалась ещё шире, ещё величественнее.

После этого визита принц не появлялся в башне Хайхуа добрых полмесяца.

В самом же поместье принца Луаня произошло знаменательное событие: туда прибыла весьма почтенная гостья.

— Бабушка, — почтительно произнёс Бянь Му, застыв у её кресла со скромным видом.

Принцесса-консорт Хоуюнь, проделавшая неблизкий путь из округа Хоушань, ласково взглянула на внука:

— Мой приезд не сильно тебя потеснил, дитя?

— О чём вы говорите, бабушка! Мог ли ваш приезд быть мне в тягость? — с искренней улыбкой ответил Бянь Му.

Бабушка всегда относилась к нему с особой теплотой. В детстве, живя в округе Хоушань, он провёл под её крылом немало счастливых лет.

— На этот раз я приехала неспроста, — мягко рассмеялась старая госпожа. — Твоя младшая матушка прислала мне письмо. Пишет, что пора бы подыскать тебе достойную партию.

Однако Бянь Му тут же перестал улыбаться.

Снова госпожа У. Безусловно, эта змея затеяла очередную грязную игру и пытается расставить свои сети.

— Бабушка, ваш внук ещё не думает о женитьбе, — попытался возразить он.

Старая принцесса нахмурилась:

— Как это — не думает? Тебе уже восемнадцать стукнуло, в твои годы давно пора обзавестись семьей!

Бянь Му лишь безропотно вздохнул.

— В общем, я погощу у тебя какое-то время, — продолжила принцесса-консорт Хоуюнь, сияя от предвкушения. — Поглядим, есть ли в округе Аньтань приличные девицы. А ежели здесь никого не сыщем, поедem в Хоушань. У нас там красавиц — пруд пруди.

Кроме того, Бянь Му распорядился освободить из темницы своего старшего брата, Бянь Юя.

Сделал он это вовсе не по указке бабушки, а из чисто практических соображений: старший брат тоже до сих пор ходил в холостяках.

И действительно, едва Бянь Юй переступил порог дома, старая принцесса тут же рьяно взялась за устройство его личной жизни.

Правда, тюремное заключение изрядно потрепало старшего брата. Он и прежде не отличался крепким телосложением, а теперь и вовсе иссох, превратившись в бледную тень самого себя, изнывающую от постоянного страха.

— Юй-эр! Мальчик мой, наконец-то ты дома! — госпожа У разрыдалась, обнимая сына прямо посреди двора.

Бянь Юй плакал навзрыд вместе с ней. Полмесяца в сырой камере казались ему вечностью, и каждый день он молил богов о спасении.

— Этот паршивец Бянь Му... Я заставлю его захлебнуться собственными слезами! — злобно прошипела сквозь зубы мачеха.

Слёзы и проклятия в крыле мачехи ничуть не тревожили покой Бянь Му и его бабушки.

Пока принц лихорадочно придумывал предлоги, чтобы отвадить свах от собственной персоны, он со всем рвением помогал старой принцессе подыскать невесту для Бянь Юя.

Да только задача оказалась не из лёгких. Бянь Юй обладал на редкость невзрачной, плутоватой внешностью; сутулый, вечно озирающийся по сторонам, на улицах он походил скорее на мелкого воришку, нежели на отпрыска благородного рода.

Стоит ли говорить, что ни одна приличная девица из благородных семей округа Аньтань не желала даже смотреть в его сторону. Да что там знатные дамы — даже продажные девки из павильона Личунь воротили от него носы.

Впрочем, обо всех этих пикантных деталях Бянь Му знал исключительно со слов Ча Су. Сам принц, кроме визитов в башню Хайхуа, никогда не осквернял свои стопы прогулками по весёлым кварталам.

В его представлении подобные места были скопищем грязи и порока.

Зато башня Хайхуа дарила ему редкое умиротворение. Старший брат, впрочем, этой любви не разделял: отведя туда Бянь Му однажды, он больше ни разу не переступал порог этого заведения.

Бянь Юй частенько таскал с собой на весёлые улочки беднягу Ча Су, и тот всякий раз возвращался оттуда злым как чёрт.

По его рассказам, даже ушлые содержательницы борделей в павильоне Личунь недолюбливали трусливого молодого господина.

Бянь Му это нисколько не удивляло: он слишком хорошо знал истинную суть своего брата.

Однако бесконечные заботы о приезде бабушки и устройство семейных дел отняли у него уйму времени. Миновало уже полмесяца с тех пор, как он в последний раз навещал Сяо Юя.

Освежившись в купальне и облачившись в чистые одежды, Бянь Му наконец приказал:

— Ча Су! Вели оседлать коня.

— Ваше высочество, снова в башню Хайхуа? — слуга преградил ему путь в дверях.

Принц промолчал, лишь одарил его холодным взглядом.

— Что тебе наговорила бабушка?

— Старая принцесса запретила вам отлучаться туда, — пробормотал Ча Су, потупив взор.

— А если я всё же поеду? — лицо Бянь Му мгновенно потемнело.

Очевидно, до ушей принцессы-консорта Хоуюнь весть о его увлечении донесла вездесущая госпожа У. Её почерк, не иначе.

Ча Су не посмел перечить и покорно застыл на месте.

Бянь Му обошёл слугу и уверенным шагом направился к выходу.

В ту ночь принц так и не вернулся в родные стены, оставшись ночевать в башне Хайхуа.

— Пинцзы, отнеси эти сладости в покои его высочества, — велел старейшина Дин, протягивая ученику блюдо с угощением.

Дин Пинцзы испуганно сглотнул и замялся, не решаясь взять тарелку.

— Ну же, живее! — прикрикнул старик, и парень нехотя принял подношение.

На полпути к гостевым комнатам ему навстречу вышел Юйчи Ган.

— Давай я отнесу, — с мягкой улыбкой предложил он.

Пинцзы едва не запрыгал от радости — перспектива лишний раз попадаться на глаза грозному принцу его совсем не прельщала.

— Гляди в оба, будь осторожен, — шёпотом напутствовал он приятеля, поспешно передавая блюдо.

Приняв поднос, Юйчи Ган направился к дверям Бянь Му.

— Ваше высочество, — негромко постучал он.

— Войди.

— Позвольте предложить вам угощение, — Юйчи Ган аккуратно поставил тарелку на стол и

вежливо поклонился, собираясь удалиться.

Бянь Му стоял у открытого окна, устремив задумчивый взгляд вдаль. Лето на юге славилось своими частыми дождями, и сейчас за окном шелестел тихий, монотонный ливень. Редкие прохожие в соломенных плащах торопливо проносились мимо по размокшей мостовой.

— Пьёшь? — вдруг спросил принц.

Юйчи Ган на мгновение опешил. В прошлой жизни они выпили вместе не одну чашу, но если он признается в этом сейчас, будучи безвестным юношей из труппы, это вызовет ненужные подозрения.

— Ступай принеси кувшин вина, — не дождавшись ответа, велел Бянь Му.

— Слушаюсь.

Спускаясь в погреб, Юйчи Ган изо всех сил старался не попасться на глаза старейшине Дину — если старик прознает о вине, несдобровать обоим.

Он прихватил не только кувшин доброго домашнего вина, но и две пиалы. Ему отчаянно хотелось разделить эту трапезу с принцем.

— Выпей со мной, — предложил Бянь Му, когда юноша вернулся.

Предчувствие не обмануло Юйчи Гана: всякий раз, когда на душе у принца скребли кошки, тот искал утешения на дне кувшина.

К счастью, лишняя пиала пришлась как нельзя кстати.

— С радостью, ваше высочество.

Наполнив глиняные чаши до краёв, Юйчи Ган без лишних церемоний осушил свою до дна.

Сидевший напротив Бянь Му удивлённо приподнял брови:

— Надо же, малец, а пьёшь не морщась.

Принц тоже осушил свою пиалу и с усмешкой добавил:

— Уверен, твой старик и не подозревает об этой твоей шалости.

Юйчи Ган лишь молча наполнил чаши заново.

Крепкая влага обожгла горло, но это было приятное тепло.

Это вино когда-то с любовью сварил сам старейшина Дин. Юйчи Ган не пробовал его целую вечность. В прошлой жизни учитель потчевал его своим домашним хмелем лишь по особым случаям, строго оберегая от излишеств, а когда Юйчи Ган наконец вырос, мастер Дин уже давно оставил это ремесло.

<http://bllate.org/book/20438/2130856>